

РУССКИЙ ЯЗЫК

Создал я тогда и «тесты» на «чувство русского языка».

Для «первой категории» (низшей) я предлагал различать два слова в письменной и устной речи: «кушать» и «есть», «супруга» и «жена». Для второй (высшей) — «разница» и «различие», а также употребление выражения «большое спасибо» (т. е. «большое “Спасибо Бог”»). Было что-то и еще в продуманных мною тестах на интеллигентность речи, но я уже точно не помню. Самое важное исчезло из моей памяти.

Из «Воспоминаний»

О грамотной, интеллигентной речи

— А сколько слов было о защите культуры — водопад! Инфляция слова, забалтывание высоких понятий — это же не менее пагубно для души и русского языка, чем партийная цензура. И результат тот же — немота. Тогда сказать было нельзя, а сейчас — нечего. Мне кажется даже, что люди в автобусе не общаются, а мычат друг на друга.

— Мы страна без обращения к другому. Вот что я слышал от одного эмигранта, приезжавшего в Россию: «Вы знаете, что у вас заменило обращение к другому человеку? Слово «ну». Всегда к нам обращается экскурсовод и говорит: «Ну, пойдем...», «Ну, сейчас будем обедать...» Постоянное «ну», привычка обращаться с понуканием вошла в язык. Помню, как в 37-м году, когда начались массовые аресты в Петербурге, вдруг я услышал, что на почте мне говорят «граж-

данин», милиционер говорит «гражданин», кондуктор в трамвае говорит «граждане», а говорили всегда «товарищ». А случилось то, что каждый человек был подозреваем. Как же сказать «товарищ» — а может быть, он шпион в пользу какой-нибудь Исландии?

— Это был официальный запрет?

— Я не знаю, какой это был запрет, я его не читал, но это в один прекрасный день, как туча, надвинулась на город — запрещение говорить «товарищ» во всех официальных учреждениях. Я спросил у кого-то: почему вы мне раньше говорили «товарищ», а теперь «гражданин»? А нам, говорят, так указано было. Это было унижительно. Страна без уважения к другой личности. Какие отношения вообще возникают с детства, со школы, если девочки начинают матюкаться? Мне об этом очень трудно говорить, потому что я чувствую, что попадаю в русло нравоучительной беседы. Но у меня очень много писем по этому поводу мата или, как осторожнее говорили до революции, «трехэтажных выражений».

— Брань вторгается в литературу. Когда в прошлом году я впервые увидел матерные слова под голубой обложкой «Нового мира», стало не по себе, стало просто страшно...

— Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело. Существует природа. Природа не терпит бесстыдства.

— «Собеседник» выпустил нецензурную газету год назад, как бы в шутку. Мальчики резвились, но одного из авторов пытались всерьез привлечь к ответственности. Что тут началось! Чуть не вся литературная и журналистская Москва поднялись на защиту «героя».

— Не его, а от него надо защищаться. То бесправие, в котором русский народ жил почти целый век, оно людей унижало. Сейчас кому-то кажется, что вседозволенность — кратчайший путь из унижительного положения. Но это самообман. Тот, кто чувствует себя свободным, не будет отвечать матом...

— А вам приходилось прибегать к «ненормативной» лексике в каких-то крайних ситуациях?

— Нет, не приходилось.

— *Даже в лагере?*

— Даже там. Я просто не мог материться. Если бы я даже решил про себя, ничего бы не вышло. На Соловках я встретил коллекционера Николая Николаевича Виноградова. Он попал по уголовному делу на Соловки и вскоре стал своим человеком у начальства. И все потому, что он ругался матом. За это многое прощалось. Расстреливали чаще всего тех, кто не ругался. Они были «чужие». Интеллигентного, доброго Георгия Михайловича Осоргина островное начальство собиралось расстрелять и уже заключило в карцер, когда по разрешению более высокого начальства к Осоргину привезла на свидание жена, княжна Голицына. Осоргина выпустили под честное слово офицера с условием, что он ничего не скажет жене о готовящейся ему участи. И он ничего ей не сказал.

Я тоже оказался чужим. Чем я им не угодил? Тем, очевидно, что ходил в студенческой фуражке. Я ее носил для того, чтобы не били палками. Около дверей, особенно в тринадцатую роту, всегда стояли с палками молодчики. Толпа валила в обе стороны, лестницы не хватало, в храмах трехэтажные нары были, и поэтому, чтобы быстрее шли, заключенных гнали палками. И вот, чтобы меня не били, чтобы отличиться от шпаны, я одевал студенческую фуражку. И действительно меня ни разу не ударили. Только однажды, когда эшелон с нашим этапом пришел в Кемь. Я стоял уже внизу, у вагона, а сверху охранник гнал всех и тогда ударил сапогом в лицо... Ломали волю, делили на «своих» и «чужих». Вот тогда и мат пускался в ход. Когда человек матерился — это свой. Если он не матерился, от него можно было ожидать, что он будет сопротивляться. Поэтому Виноградову и удалось стать своим — он матерился, и когда его освободили, стал директором музея на Соловках. Он жил в двух измерениях: первое определялось внутренней потребностью делать добро, и он спасал интеллигентов и меня спасал от общих работ. Другое определялось потребностью приспособиться, выжить.

Во главе Ленинградской писательской организации одно время был Прокофьев. В обкоме он считался своим, хотя всю жизнь был сын городового, он умел ругаться и оттого умел как-то находить общий язык с начальством. А интеллигентов, даже искренне веряющих в социализм, отвергали с ходу — слишком интеллигенты, а потому не свои.

— Еще сто лет назад в словаре русского языка было 287 слов, начинающихся с «благо». Почти все эти слова исчезли из нашей речи, а те, что остались, обрели более приземленный смысл. К примеру, слово «благонадежный» означало «исполненный надежды», «ободрившийся»...

— Слова исчезли вместе с явлениями. Часто ли мы слышим «милосердие», «доброжелательность»? Этого нет в жизни, поэтому нет и в языке. Или вот «порядочность». Николай Калинникович Гудзий меня всегда поражал — о ком бы я ни заговорил, он спрашивал: «А он порядочный человек?» Это означало, что человек не доносчик, не украдет из статьи своего товарища, не выступит с его разоблачением, не зачитает книгу, не обидит женщину, не нарушит слова. А «любезность»? «Вы оказали мне любезность». Это добрая услуга, не оскорбляющая своим покровительством лицо, которому оказывается. «Любезный человек». Целый ряд слов исчезли с понятиями. Скажем, «воспитанный человек». Он воспитанный человек. Это прежде всего раньше говорилось о человеке, которого хотели похвалить. Понятие воспитанности сейчас отсутствует, его даже не поймут.

До сих пор остается бедой русского языка то, что отменили преподавание церковно-славянского языка. Это был второй язык, близкий к русскому.

— *Нарядный...*

— Да-да, этот язык поднимает значение того, о чем идет речь в слове. Это другое совершенно высокое эмоциональное окружение. Исключение из школьного образования церковно-славянского и нашествие матерщины — это симметричные явления.

Общая деградация нас как нации сказалась на языке прежде всего. Без умения обратиться друг к другу мы те-

ряем себя как народ. Как жить без умения назвать? Недаром в книге Бытия Бог, создав животных, привел их к Адаму, чтобы тот дал им имена. Без этих имен человек бы не отличил коровы от козы. Когда Адам дал им имена, он их заметил. Вообще заметить какое-нибудь явление — это дать ему имя, создать термин, поэтому в средние века наука занималась главным образом называнием, созданием терминологии. Это был целый такой период — схоластический. Называние уже было познанием. Когда открывали остров, ему давали название, и только тогда это было географическим открытием. Без названия открытия не было.

— После первых документальных фильмов с вашим участием и телевизионных встреч в «Останкино» ваша речь стала своего рода эталоном речи культурного человека. А кого бы вы могли поставить в пример, чья речь вам нравится?

— В свое время эталоном русской речи был язык актеров Малого театра. Там традиция была со щепкинских времен. И сейчас надо слушать хороших актеров. В Петербурге — Лебедева, Басилашвили.

Слова за годы нашей жизни обрастают только нам ведомыми оттенками, воспоминаниями — так обрастает корабль ракушками. Может, поэтому мне кажутся такими интересными словари писателей. Их, увы, немного. Словарь языка Пушкина, который давно стал редкостью, недавно вышел словарь к пьесам Островского...

Я бы поставил на первое место необходимость создания словаря Бунина. Его язык богат не только связью с деревней и дворянской средой, но еще и тем, что в нем литературная традиция — от «Слова о полку Игореве», от летописей.

Очень важно читать детям вслух. Чтобы учитель пришел на урок и сказал: «Сегодня мы будем читать «Войну и мир». Не разбирать, а читать с комментариями. Так читал нам в школе Лентовской наш учитель словесности Леонид Владимирович Георг. Чаще всего это происходило на тех уроках, которые он давал вместо своих заболевших коллег-педагогов. Он читал нам не только «Войну и мир», но и пьесы

Чехова, рассказы Мопассана. Показывал нам, как интересно учить французский язык, рылся при нас в словарях, подыскивая наиболее выразительный перевод. После таких уроков я одно лето занимался только французским.

Самое печальное, когда люди читают и незнакомые слова их не заинтересовывают, они пропускают их, следят только за движением интриги, за сюжетом, но не читают вглубь. Надо учиться не скоростному, а медленному чтению. Пропагандистом медленного чтения был академик Щерба. Мы с ним за год успевали прочесть только несколько строк из «Медного всадника». Каждое слово представлялось нам, как остров, который нам надо было открыть и описать со всех сторон. У Щербы я научился ценить наслаждение от медленного чтения.

Стихи же вообще нельзя прочитать с первого раза. Сперва нужно уловить музыку стиха, затем уже читать с этой музыкой — про себя или вслух.

*Интервью Д. Шеварова с Д.С. Лихачевым
«Я живу с ощущением расставания...»
(Комсомольская правда, 1996. 5 марта.)*

Русский язык в богослужении и в богословской мысли

Не впервые поднимается вопрос о переводе богослужебных текстов на обыденный русский язык. Основанием к тому в глазах сторонников такого перевода является необходимость сделать богослужение более понятным. Такие попытки были особенно часто сразу после революции, в пору усилий государства подчинить себе Церковь, что привело к появлению разного рода обновленческих «красных» и прочих церковных объединений. Народ тогда не принял богослужения на русском языке. Обновленческие церкви стояли пустыми...

«Непонятность» богослужения заключается не только в языке. По-настоящему непонятно богослужение для тех, кто не знает основ православного учения. Именно с учением

Церкви должен познакомиться человек, желающий посещать церковь, а «непонятность» языка — дело второстепенное. Преодоление препятствия со стороны постижения языка — несложно (это не латинский язык в католическом богослужении).

«Непонятность» богослужения лишь усилится, если языком его станет разговорный (обыденный, обывательский) язык, не имеющий всех богословских нюансов в своем словаре, лишенный традиционных фразеологизмов. И это тогда, когда существует близкий язык, но обладающий тысячелетним опытом молитвенного, богослужебного, богословского употребления. «Господи, помилуй» и «Господи, прости» — различны по своему значению.

Итак, первое мое возражение против перевода богослужения на русский язык состоит в том, что при таком переводе и богослужение, и богословская мысль не станут сколько-нибудь более понятными, а существующая традиция прервется. Для обывателя же «непонятность» богослужения во многом обострится.

Некто утверждает: «Вот я зашел в церковь и плохо понял, о чем там пелось и говорилось». Но когда человек старается понять смысл службы, он, может быть впервые, совершает духовную работу. Откуда же требование, чтобы Церковь шла на уступки обывателю? Не Церковь должна кланяться обывателю, а обыватель — Церкви.

Среди «вспомогательных» аргументов в пользу перевода богослужения на обыденный русский язык приводится и следующий: «В католической церкви отказались от латинского языка». Но еще пока нельзя судить, привело ли это к благим результатам. Ведь латынь играла, отчасти и сейчас играет, существенную роль в западной культуре, в западной образованности вплоть до последнего времени, позволяя читать и понимать всем (независимо от родного языка) латинских авторов, оставаясь языком юриспруденции и медицины, способствуя общению ученых западных стран и т. д.

А в целом, так ли уж важен для нас именно в решении этого вопроса католический опыт? Перевод католическо-

го богослужения на национальные языки уже сейчас привел к некоторым отрицательным результатам и в церковном, и в светском уровне образованности. Это отмечено преподавателями многих высших учебных заведений.

Говорят: «Церковь с переводом богослужения на национальные языки станет более демократичной, более близкой национальной культуре». Очень может быть, но есть опасность, что она станет не только национальной, но и националистической. Не стану приводить примеры: они у всех на виду. Да и «демократизм» не всегда идет на пользу. Так, болгары еще больше отделились от сербов. А сербы — от болгар в результате перехода их богослужения на национальные языки.

Между тем очень важна общая молитва. Общий язык молитвы. Единство языка богослужения объединяло православных славян, как объединяло их единство языка письменности. Пока богослужение велось на церковнославянском языке, одни и те же книги были доступны для славян Балканского полуострова, и сербов, и украинцев, и белорусов, и русских.

Итак, церковнославянский язык играл и играет сейчас (хотя и в меньшей степени, чем раньше) объединяющую роль. В России (и отчасти в других славянских странах) церковно-славянский язык объединял культуру не только по горизонтали, но и по вертикали: культуру прошедших столетий и культуру нового времени, делая понятными высокие духовные ценности, которыми жива была Русь первых семи веков своего существования, объединяя Россию, Украину и Белоруссию. Это способствовало сохранению самосознания русских, живших на территории других государств, и теперь объединяет Русскую Зарубежную Церковь с Матерью-Родиной.

Это тем более важно отметить, что Россия была страной высокой книжной культуры. Как ясно теперь, после открытия берестяных грамот, — страной широчайшей письменной культуры. Надписи имели все культурные ценности: иконы, церковные сосуды великолепные фрески в храмах, одежда (особенно шитье, облачения и т. д.).

Сейчас, когда мы впали в культурную нищету, это особенно должно нас трогать, и сохранить нашу связь с прошлым мы должны обязательно! Мы имеем великолепную письменность и литературу: сочинения митрополита Илариона, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, митрополита Алексия, Ермолая-Еразма, Нила Сорского, Максима Грека и сотен других, приобщиться к мудрости которых стало возможным благодаря свободе научной печати и таким собраниям, как вышедшие «Памятники литературы Древней Руси» и издающаяся «Библиотека литературы Древней Руси» (1-й, 4-й и 5-й тома уже вышли). Благодаря текстам, изданным параллельно на древнерусском и современном русском языках, мы можем оценить необыкновенную красоту языка Церкви, языка духовной культуры.

Если мы откажемся от языка, который великолепно знали и вводили в свои сочинения Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Лесков, Толстой, Бунин и многие-многие другие, — утраты в нашем понимании русской культуры начала веков будут невосполнимы. Церковнославянский язык — постоянный источник для понимания русского языка. Сохранения его словарного запаса. Обостренного постижения эмоционального звучания русского слова. Это язык благородной культуры: в нем нет грязных слов, на нем нельзя говорить в грубом тоне, браниться. Это язык, который предполагает определенный уровень нравственной культуры. Церковнославянский язык, таким образом, имеет значение не только для понимания русской духовной культуры, но и большое образовательное и воспитательное значение. Отказ от употребления его в Церкви, изучения в школе приведет к дальнейшему падению культуры в России.

Русский язык «очищается», облагораживается в Церкви. Да, Евангелие должно проповедоваться на всех языках. В изданиях, где оно печатается параллельно на церковнославянском и русском языках, уточняется смысл отдельных выражений, разъясняется значение каждого слова. Русский язык никто не изгоняет из Церкви, но обращенные

к Богу, Божией Матери, к святым слова должны быть свободны от обыденщины, не соприкасаемы с бранью и вульгаршиной.

Убежден, что необходимо сохранить верность тому сочетанию двух близких друг другу языков, которые исторически постоянно соприкасались в летописях, в посланиях Церкви и патриархов, в сращениях к народу патриархов и других иерархов Церкви, в проповедях (число которых в Церкви должно постоянно расти).

*Русское возрождение. 1997. № 69/70. С. 41–45;
То же в издании: Радонеж. 1998. № 9*

